

Университет Дмитрия Пожарского

Вопросы эпиграфики

Под редакцией кандидата исторических наук А.Г. Лядсва

ВЫПУСК I

РУССКИЙ ФОНД СОДЕЙСТВИЯ
ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКЕ

2006

УДК 930.27
ББК 63.2
С23

Вопросы эпиграфики. Выпуск 1 [Сб. ст.] / Университет Дмитрия Пожарского/
Под ред. А.Г. Авдеева. – М.: Русский Фонд Содействия образованию и науке,
2006. – 276 с.

ISBN 5-91244-001-X

Сборник состоит из трех разделов. Первый раздел, посвященный памяти доцента Исторического факультета МГУ Д.А. Дрбоглава. Второй раздел – «Публикации и исследования» – содержит статьи по вопросам эпиграфики Древней Индии, Южного Причерноморья античной эпохи, позднесредневековой Италии, генуэзских колоний Крыма, а также старорусской и греческой Украины второй половины XVII в. В третьем разделе – «Научный архив» – публикуется исследование Н.И. Новикова о надписях на изразцах из Ново-Иерусалимского монастыря.

ISBN 5-91244-001-X

© Русский фонд содействия образованию и науке, 2006
© Гарбузов В.А., оформление, 2006

Неизданные лапидарные памятники генуэзских поселений Крыма XIV–XV вв.*

А.Г. Еманов

Генуэзская эпиграфика Крыма имеет давние традиции изучения, начало которых восходит еще к эпохе Просвещения, к трудам Гаспаро Луиджи Одерико¹. В XIX в., благодаря усилиям российских и зарубежных эпиграфистов², изучению и описанию были подвергнуты, прежде всего, официальные надписи на монументальных плитах, украшенных гербами и рельефами. В первой трети XX в. Е.Ч. Скржинской³ была предпринята систематизация генуэзского лапидария Крыма; помимо публичных, закладных и строительных надписей ею были выделены частные инскрипции, донаторские и votивные надписи, эпитафии, большое количество фрагментированных эпиграфических памятников. В дальнейшем, в особенности, в конце XX — начале XXI вв., генуэзский лапидарий крымских городов-крепостей продолжал расширяться за счет выявления памятников смешанного, генуэзско-ориентального характера, анэпиграфных плит с генуэзской геральдической и иконографической информацией, граффити, что ощущается по публикациям Е.А. Айбабиной, И.А. Баранова, Э.В. Даниловой, Л.Г. Климанова⁴ и некоторых других авторов.

Среди поступлений последних лет в эпиграфическом собрании Феодосийского краеведческого музея особое место занимают своеобразные «молчащие» плиты, в некотором роде «эпиграфические палимпсесты»,

---

© А.Г. Еманов

* Работа выполнялась в рамках гранта РГНФ (03-01-18079е). Автор выражает сердечную благодарность директору Феодосийского краеведческого музея А.А. Евсееву, директору архитектурно-исторического заповедника «Судакская крепость» А.М. Фарбею, генеральному директору Национального заповедника «Херсонес Таврический» Л.В. Марченко за любезно предоставленную возможность работы с эпиграфическими собраниями.

на которых отводилось специальное поле для надписи, либо не нанесенной, либо стертой; порой средневековым квадратарием была даже осуществлена разметка, предвещающая изготовление инскрипции, однако буквы по каким-то причинам так и не были высечены. Из-за кажущейся «нулевой» информации эти памятники еще не привлекали внимания исследователей. Вместе с тем, подобные плиты с достаточно определенной геральдикой и иконографией, несомненно, представляли *ars meto-giae* или *ars metogativa* средневекового города, определяя непростую самоидентификацию существовавшего на границе Запада и Востока городского сообщества.

В частности, обращают на себя внимание три геральдические плиты второй половины XIV в. из Феодосийского лапидария. Общим для них является изображение геральдического щита с татарской тамгой в поле. На первой плите⁵ (рис. 1) с правой стороны (с точки зрения смотрящего) помещен герб Генуи, с левой стороны — щит с тамгой, ниже между ними поставлен слабо рельефный, пустой геральдический щит. Пози-

¹ *Oderico G.L.* Lettere ligustiche ossia osservazioni critiche sullo stato geografico della Liguria fino ai tempi di Ottone il Grande con le memorie di storia di Caffa ed altri luoghi della Crimea posseduti un tempo da genovesi e spiegati di monumenti liguri. Bassano, 1792.

² *Ваксель Л.С.* Изображения разных памятников древности на берегах Черного моря. СПб., 1801; *Кеннен П.И.* Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837; *Ретовский О.Ф.* Генуэзская плита, найденная в Феодосии в 1890 г. // ИТУАК. Симферополь, 1891. Вып. 13. С. 75–77; *Он же.* Генуэзские надписи, найденные в г. Феодосии в 1894 г. // ЗООИД. Одесса, 1896. Т. 19. С. 14–26; *Стевен А.Х.* Генуэзская плита из Феодосии, принадлежащая музею Архивной комиссии // ИТУАК. Симферополь, 1889. Вып. 6–8. С. 88–89; *Юргевич В.Н.* Генуэзская надпись, найденная в Феодосии в 1883 г. // ЗООИД. Одесса, 1886. Т. 14; *Он же.* Генуэзские надписи в Крыму // ЗООИД. Одесса, 1863. Т. 5. С. 159–177; *Он же.* Две генуэзские надписи из Балаклавы // ЗООИД. Одесса, 1879. Т. 11. С. 319–320; *Он же.* Донесение о поездке в Крым // ЗООИД. Одесса, 1875. Т. 9. С. 397–401; *Он же.* Новые надписи генуэзские // ЗООИД. Одесса, 1868. Т. 7. С. 274–282; *Jurgewicz W.* Una iscrizione genovese recentemente scoperta in Soldaia // GL. Genova, 1891. An. 18. Fasc. 11–12. P. 297–298; *Remondini M.* Epigrafe della torre di papa Clemente VI a Caffa // GL. Genova, 1875. An. 3. Fasc. 8. P. 39–40; *Waxel L.* Reçuel de quelques antiquites trouves sur le bords de la mer Noire. B., 1803.

³ *Скржинская Е.Ч.* Латинские надписи из генуэзских колоний в Крыму // Бюллетень конференции археологов СССР в Керчи. Керчь, 1926. № 2. С. 2; *Skrzinska E.* Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée // ASLSP. Genova, 1928. Vol. 6.

ция правой стороны считалась более высокой, сеньориальной; ее занимала геральдическая эмблема Генуэзской республики в виде красного креста Св. Георгия на белом (серебряном) поле, берущая начало со времен участия генуэзцев в эпопее Первого крестового похода, когда,

⁴ *Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2002 г. СПб., 2003; *Айбабина Е.А.* Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь, 2001 (пер. надписей с латинского языка выполнен Э.В. Даниловой); *Она же.* Некоторые заметки о каменной резьбе Каффы // ХС. Севастополь, 1999. Вып. 10; *Она же.* Оборонительные сооружения Каффы (по материалам археологических раскопок) // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988; *Она же.* Плита башни Якобо Торселло Судакской крепости // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических: (По материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппена). Киев, 2004. С. 181–185; *Баранов И.А.* Главные ворота средневековой Солдаи // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 81–96; *Баранов И.А., Данилова Е.В.* Генуэзский надгробок 1384 г. з Судака // Археология. Киев, 1991. № 3. С. 145–148; *Баранов И.А., Климанов Л.Г.* Новые латинские надписи генуэзской Солдаи // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т. 1. № 1. С. 99–107; *Вальков Д.В.* Эпиграфическая традиция Генуи и генуэзской Романии: VIII – 70-е гг. XV вв.: Автореф. дисс... к.и.н. М.: МГУ, 2004; *Дьячков С.В.* «Консульская церковь» крепости Чембало (XIV–XV вв.) // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических (По материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппена). Киев, 2004. С. 246–255; *Еманов А.Г.* Неизданная генуэзская надпись начала XV в. из Феодосии // АДСВ. Екатеринбург, 1998. Вып. 29; *Он же.* Провинциальная геральдика францисканского ордена // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. М., 2002. С. 136–138; *Он же.* Солдайская стена плача: Этюд греко-латинской эпиграфики // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами): Тезисы XVII Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2004. С. 50–56; *Климанов Л.Г.* Казус Франческо де Камилла: Новооткрытый памятник крымско-генуэзской эпиграфики в свете общественной и политической жизни Генуи первой половины XV в. // ВИД. СПб., 2000. Вып. XXVII. С. 303–330; *Он же.* Эпиграфика. «Эпохи торговых итальянских колоний на Крымском полуострове» в научном наследии Е.Ч. Скржинской (1897–1981) // Сугдея, Сурож, Солдаи в истории и культуре Руси – Украины: Материалы конференции. Киев; Судак, 2002. С. 123–126; *Крамаровский М.Г.* Оформление каффинского колодца 1331 г. мастера Михаила из Падуи // АДСВ. Барнаул, 1992. Вып. 26. С. 214–219 (пер. надписи с лат. выполнен Л.Г. Климановым); *Яровая Е.А.* Геральдика генуэзских ремесленников // Signum. М., 2000. Вып. 2. С. 41–48; *Она же.* Геральдика генуэзского нобилитета по каменным плитам из Каффы, Солдаи и Чембало (XIV – первая треть XVI вв.): Автореф. дисс. ... к.и.н. М.: МГУ, 2004; *Она же.* О новых прочтениях нобильских имен каффинского и солдайского лапидария (по материалам Е.Ч. Скржинской) // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2000. С. 265–270.

согласно преданиям, над рыцарями, штурмующими Иерусалим, явилось видение самого Святого в белом плаще с красным крестом; цветовая символика красного и белого (серебряного) указывала на идеалы победы, освобождения Святых Земель от неверных.

Нижний щит предназначался для нанесения геральдических символов консула, главы генуэзской общины и всего города Кафы (нынешней Феодосии). Его незаполненность обычно воспринимается как следствие вакантности консульской должности. Имеющиеся на сегодняшний день, далеко не полные сведения о занятии данной магистратуры Кафы в XIV в. позволяют выделить 1345–1347, 1353–1356, 1359–1362, 1364, 1366–1368, 1370–1372, 1376–1379 гг.⁶, когда генуэзские консулы Кафы остались либо не известны, либо по военно-политическим причинам так и не смогли отправиться из Генуи и не достигли далекого портового города в Крыму.

Наиболее дискуссионной является геральдическая эмблема с ханской тамгой, которая встречается и на других, хорошо известных эпиграфических памятниках генуэзской Кафы, начиная с 1342 г. и заканчивая 1396 г.⁷ (что и является определенным датирующим признаком), а равно и на кафинских монетах первой половины XV в.⁸ Еще в середине XIX в. Н.М. Мурзакевич и Б. Кёне⁹ предложили воспринимать геральдический щит с татарской тамгой в качестве герба Кафы. О.Ф. Ретовский¹⁰ первоначально активно возражал, заявляя, что тамга ханов Золотой Орды могла быть гербом только татарских правителей Крыма; будучи высказавшейся генуэзцами на своих официальных надписях, она должна была выступать знаком признания сеньориальной власти Золотой Орды, на землях которой была основана Кафа. Однако позднее О.Ф. Ретов-

⁵ Геральдическая плита; размеры: 51 x 115 x 15 см; известняк; место находки – Феодосия; время находки неизвестно; хранится в Феодосийском краеведческом музее. Инв. № А-27/4.

⁶ *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIe – début du XVe siècles). Gênes; Rome, 1978. Т. 1. P. 902.

⁷ *Skrzinska E.* Op. cit. № 1, 2, 3, 8, 9, 10, 11, 12.

⁸ *Lunardi G.* Le monete delle colonie genovesi // ASLSP. NS. Genova, 1980. Vol. 20. Fasc. 1.

⁹ *Мурзакевич Н.М.* Медные монеты города Кафы // ЗООИД. Одесса, 1860. Т. 4. С. 387–388; *Köhne B.* Les monnaies génoises de Caffa. SPb., 1875. P. 1–9.

¹⁰ *Ретовский О.Ф.* Генуэзские надписи, найденные в г. Феодосии в 1894 г. // ЗООИД. Одесса, 1896. Т. 19. С. 15, прим. 1.

ский отказался от этой позиции и присоединился к мнению оппонентов; он вынужден был признать существенное отличие тамги, вырезавшейся на кафинских плитах, от тамги ханского рода Бату, правившего в Золотой Орде; это отличие состояло в изображении полумесяца над правым плечом тамги; кроме того, О.Ф. Ретовский должен был согласиться с тем, что подобная эмблема не встречается на надписях, происходящих из других генуэзских поселений Крыма.

С этого времени, конца XIX в., геральдический щит с татарской тамгой стали считать гербом Кафы. Подобная позиция выражена в работах Е.Ч. Скржинской¹¹. Та же характеристика вошла в геральдические компендии О. Нойбеккера и В. Рентцманна¹².

В конце XX – начале XXI вв. утвердившаяся точка зрения была подвергнута радикальной ревизии Е.А. Яровой¹³. «Герб Кафы» с изображением тамги она назвала «эвфемизмом», абсурдом, который мог утвердиться в историографии только в результате игнорирования правил геральдики, ибо золотоордынская тамга не могла являться гербом самостоятельного генуэзского поселения, управлявшегося латинянами во главе с консулом, и уж тем более не могла символизировать независимую коммуну Кафы; она выступала знаком собственности татарских ханов; тамга в форме двузубца была отличительным знаком ханского дома Бату; именно к этому дому принадлежали ханы Джанибек (1341–1357) и Тохтамыш (1379–1396), на правление которых приходится бытование подобной эмблемы в кафинской эпиграфике; наличие тамгообразного знака на официальных плитах Кафы, согласно мнению исследовательницы, означало зависимое положение генуэзского города, возникшего на контролируемой татарскими ханами территории. Тем не менее, этот вопрос не может считаться окончательно решенным.

Прежде всего, двузубчатая татарская эмблема на анализируемом памятнике находится с левой стороны, обозначая не верховный сеньориальный статус, как должно было быть, согласно только что презентированной позиции Яровой, но вассальный, зависимый статус. Подобное

---

¹¹ *Skrzinska E.* Op. cit.

¹² *Neubecker O., Rentzmann W.* Wappenbilderlexicon. München, 1974; Neu Ausg.: 1994; *Neubecker O., Rentzmann W.* 10000 Wappen von Staaten und Städten. München, 1974.

¹³ *Яровая Е.А.* Геральдика генуэзского нобилитета... С. 83–87.

расположение гербов могло означать либо декларирование более высокого положения Генуи и отказ в верховных владельческих правах Золотой Орды на земли, на которых находилась Кафа, либо принадлежность герба с тамгой не татарским ханам, а иному лицу. Кроме того, тамга рассматриваемой плиты отличается от аналогичного знака прежде публиковавшихся эпиграфических памятников Кафы тем, что имеет заостренный скос не с левого зубца, а с правого. Впрочем, подобный вариант тамги был известен еще Н.П. Лихачеву¹⁴ по сигиллографическим и нумизматическим источникам конца XIII–XIV вв.

На второй плите¹⁵ (рис. 2) геральдический щит с тамгой помещен в центре между двумя щитами с крестами Св. Георгия, святого патрона Генуи, то есть занимает, несомненно, главное место. Под щитами расположено выделенное рельефом плато для надписи, оставшееся пустым. Здесь тамга имеет едва различимый скос с левого зубца. К правому зубцу примыкал, очевидно, полумесяц, нижняя часть овала которого еще остается различимой. Как раз изображением полумесяца тамга кафинской эпиграфики радикально отличается от батыевой; причем, если на других, уже известных плитах Кафы лунообразный знак высекался над изображением тамги, то на данной плите полумесяц находился сбоку, у середины ее правого зубца.

На третьей плите¹⁶ (рис. 3) расположены два геральдических щита; на правом высечено изображение тамги со скошенным левым зубцом и полумесяцем у правого зубца; на левом щите, по-видимому, был помещен крест, но затем стерт, оставив едва различимую выпуклость по центральной оси. Над геральдическими изображениями видны следы отслоений

¹⁴ Лихачев Н.П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Л., 1930. Вып. 2. Рис. 5, 6, 18, 23.

¹⁵ Геральдическая плита; размеры: 72 x 78 x 20 см; известняк; место находки — Феодосия; время находки неизвестно; хранится в Феодосийском краеведческом музее. Ближайшим аналогом является кафинская плита того же времени, опубликованная Е.А. Айбабиной. См.: Айбабина Е.А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Табл. VII. 1; однако на приведенной в монографии плите правый герб ссечен; другой особенностью является знак «полумесяца» над щитами, повернутого вниз, наподобие подковы.

¹⁶ Геральдическая плита с фрагментами эпиграфики; размеры: 43 x 33 x 20 см; известняк; место находки — Феодосия, время находки — до 1971 г.: место хранения — Феодосийский краеведческий музей, Инв. № А-5099.

и выщерблин от снарядов баллист и пуль огнестрельного оружия. Вместе с тем, именно там различимы две сохранившиеся, рельефные буквы V и T. Ниже гербов на специально выделенном плато размещалась тщательно стертая надпись. Стертые гербы Генуи, являвшейся сеньором Кафы, в виде креста Св. Георгия, традиционно связываются с периодами утраты Генуей самостоятельности. Между 1342–1396 гг. это произошло только однажды, в 1353–1356 гг., когда Генуя была подчинена власти герцога Милана Джованни Висконти¹⁷. Стало быть, данный лапидарный памятник можно, с большей долей вероятности, датировать 1353–1356 гг.

Что касается тамгообразного знака, то по форме и сеньориальному положению он подобен знаку второй плиты. Едва ли стоит настаивать на возможности толкования изображения «полумесяца» как инициала С, кстати, по величине и рельефной фактуре сопоставимого с выше отмеченными буквами VT и способного обозначать понятия «с[ivitas]», «с[omuna]», «с[ommunitas]», или даже передавать название города «С[affa]». Этот знак в средневековой ментальности соотносился с максимой «quod carpioredo»¹⁸, отражая стремление к паритетности и комплиментарности во взаимоотношениях городской общины с окружающим рах tartarica.

Более существенными выступают иные аргументы: тамга кафинской эпиграфики не могла являться знаком собственности татарских ханов на земли, занятые городской застройкой, поскольку власти Кафы были свободны от уплаты соответствующих поземельных налогов, как это практиковалось в других местах, например, в Тане (современный Азов)¹⁹. Небезызвестный генуэзско-татарский договор от 27 ноября 1380 г., заключенный кафинским консулом Джанноне дель Боско с золотоордынским наместником Крыма Черкасом, а затем подтвержденный 24 февраля 1381 г. представителем Тохтамыша Ильяс-беем, опреде-

¹⁷ Epstein S.A. *Genoa and the Genoese, 958–1528*. Raleigh, 1996. P. 326.

¹⁸ *Selecta emblemata et simbola* / Ed. N. Maximovitch-Ambodic. Petropoli, 1788. № 802.

¹⁹ Более подробную аргументацию см.: Еманов А.Г. «На краю Европы»: Становление города на границе цивилизаций и культур // Европа: Международ. альманах. Тюмень, 2002. Вып. 2. С. 60–67; 2003. Вып. 3. С. 32–36; 2004. Вып. 4. С. 14–18; ср. с данными по Тане: Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV в. из Венеции. СПб., 2002.

ленно признавал за Кафой права собственности как на городскую территорию и прилегающую сопрагна, так и на более обширные прибрежные владения от Кафы до Чембало (нынешняя Балаклава)²⁰.

Отличия кафинской тамги от батыевой заставляют видеть в ней знак самого городского сообщества Кафы, абсолютное большинство населения которого состояло из татар, греков и армян; причем последние, в силу пастушеского хозяйства, больше были связаны не столько с латинянами или инурбанизированными татарами, сколько с татарами степными, подданными золотоордынских ханов, адаптируя татарский язык, традиции и обычаи степи, в том числе и символику. Суждение Е.А. Яровой о невозможности использования ориентальной символики в европейской геральдике является чересчур абсолютизирующим. Известны случаи имплементации элементов восточного символизма в западное искусство блазонирования под воздействием крестовых походов. Самым ярким примером является тот же символ «полумесяца»²¹. Те правила геральдики, на которые ссылается исследовательница, оставались актуальными и незыблемыми только в теории, но не на практике.

Если геральдический щит с тамгой признать гербом Кафы, то становится понятным его перемещение в ряду с другими гербами: когда сюзеренитет Генуи был прочен и бесспорен, то герб Кафы занимал младшее положение (слева); когда же Лигурийская республика утрачивала суверенность, городская община Кафы неизбежно дистанцировалась, будучи вынужденной обращаться к своим внутренним ресурсам, к самоуправлению, тогда и происходило возвышение статуса Кафы, и ее герб начинал занимать позицию старшего.

Знак тамги в соотнесенности с христианской и латинской символикой приобрел особое значение в эмблематике Кафы, города со смешанной этно-конфессиональной структурой. Этот знак выступал одним из важных принципов социально-правовой коммуникации, одним из неотъемлемых элементов идейной системы уникального городского сообщества, совместившего в своем едином урбанистическом пространстве общины католиков-латинян, православных греков и армян и му-

²⁰ *Desimoni C.* Trattato dei genovesi col chan dei tartari nel 1380–1381 scritto in lingua volgare // ASI. Firenze, 1887. Vol. 20. P. 161–165; *Basso E.* Il «bellum de Sorchati» ed i trattati del 1380–1387 tra Genova e l' Ordo d' Oro // SG. Genova, 1991. Vol. 8. P. 11–12.

²¹ *Matschke K.-P.* Das Kreuz und der Halbmond. Düsseldorf, 2004.

сультман; с одной стороны, он служил напоминанием об участии татарско-мусульманской общины во главе с кади и тудуном в образовании города, его конституировании и совместном укреплении, манифестируя его своеобразие, отличие как от западных, так и от восточных политических сил, сглаживание различий внутри городской границы между татарами и нетатарами, а, с другой стороны, он демонстрировал определенную дипломатическую этику по отношению к ближайшему политическому окружению – Золотой Орде, частью которого выступало соседствовавшее с Кафой Крымское наместничество. Характерно, что по мере ослабления централизованной власти хана и распада Орды (60–80-е гг. XIV в.), когда возрастала нестабильность в регионе, а вместе с ней усиливались и угрозы Кафе со стороны степи, интенсифицировалась циркуляция татарской символики в городской эмблематике. Не случайно на это время приходится наибольшее число эпиграфических памятников Кафы с тамгообразными знаками. Уже упоминавшийся кафинско-крымский договор 1380–1381 гг., помимо пунктов, признававших Кафу владельцем обширных территориальных владений в Крыму, большая часть которых еще недавно принадлежала Орде, содержал уступку: обещание властей Кафы помещать символические знаки татарских ханов на башнях города²²; они, определенно, перестали символизировать верховный сюзеренитет ордынских правителей, получив этикетно-дипломатический смысл.

Смешанный этно-культурный *modus vivendi* генуэзских поселений Крыма XIV в. с еще большей силой отражает другой, весьма любопытный образец лапидарной мнемотехники – каменная иконка с рельефным изображением конного змеборца и греческими граффити²³ (рис. 4) из лапидарного собрания Архитектурно-исторического заповедника «Судакская крепость». На ней изображен всадник, восседающий на коне в развороте справа – налево, одетый в доспехи, поверх которых развивается плащ, увенчанный короной и нимбом над головой; левой

²² *Desimoni C.* Op. cit. P. 161–165; *Basso E.* Op. cit. P. 11–12.

²³ Каменная икона Св. Георгия; размеры: 21 x 18 x 7 см; известняк; место находки – г. Судак, башня Фьески; время находки – 1980 г. Хранится в Архитектурно-историческом заповеднике «Судакская крепость», инв. № 1825. В качестве аналога может быть назван кафинский рельеф Св. Георгия, опубликованный Е.А. Айбабиной, см.: *Айбабина Е.А.* Декоративная каменная резьба Каффы ... С. 46–49.

Рис. 1. Геральдическая второй половины XIV в. из Кафы. ФКМ. Инв. № А-27/4.

А.Г. Еманов «Неизданные лапидарные памятники генуэзских поселений Крыма XIV–XV вв.»

Рис. 2. Геральдическая вторая половина XIV в. из Кафы. ФКМ.

А.Г. Еманов «Неизданные лапидарные памятники генуэзских поселений Крыма XIV–XV вв.»

Рис. 3. Геральдическая второй половины XIV в. из Кафы. ФКМ. Инв. № А-5099.

А.Г. Еманов «Неизданные лапидарные памятники генуэзских поселений Крыма XIV–XV вв.»

Рис. 4. Каменная иконка с изображением св. Георгия Победоносца и греческими граффити. Архитектурно-исторический заповедник «Судакская крепость». Инв. № 1825.

А.Г. Еманов «Неизданные лапидарные памятники генуэзских поселений Крыма XIV–XV вв.»

Рис. 5. Известняковая плита трапецевидной формы с высеченным генуэзским гербом. Национальный заповедник «Херсонес Таврический». Инв. № 45411.

А.Г. Еманов «Неизданные лапидарные памятники генуэзских поселений Крыма XIV–XV вв.»

Рис. 1. Плита памятная схимонахини Антонии. 1688 г. Инв. № А-1678.

А.В. Грашенков «Памятные плиты Вознесенского собора в Кремле»

Рис. 2. Плита памятная схимонахини Феодоры Шмитовой. 1700 г.
Инв. № А-1693.

А.В. Гращенков «Памятные плиты Вознесенского собора в Кремле»

Рис. 3. Плита памятная игуменни Феклы (Февронии Петровны Салтыковой). 1700 г. Инв. № А-1681.

А.В. Грабенков «Памятные плиты Вознесенского собора в Кремле»

Рис. 4. Плита памятная монахини Алимпиады Михайловны. 1701 г.
Инв. № А-1688.

А.В. Гращенков «Памятные плиты Вознесенского собора в Кремле»

Рис. 5. Плита памятная Анфим Гликерий Хитрово. 1701 г. Инв. № А-1687.

А.В. Грашенков «Памятные плиты Вознесенского собора в Кремле»

Рис. 6. Плита памятная Анны Михайловны Салтыковой. 1702 г. Инв. № А-1689.

А.В. Гращенко «Памятные плиты Вознесенского собора в Кремле»

Рис. 7. Плита памятная Агриппины Петровны Салтыковой. 1707 г.
Инв. № А-1676.

А.В. Гращенко «Памятные плиты Вознесенского собора в Кремле»

Рис. 8. Плита памятная схимонахини Евпраксии (жены стольника А.Б. Бибикова). 1749 г. Инв. № А-1684.

А.В. Гращенко «Памятные плиты Вознесенского собора в Кремле»

Рис. 9. Плита памятная Марии Егоровны Пашковой. 1752 г.
Инв. № А-1682.

А.В. Грашенков «Памятные плиты Вознесенского собора в Кремле»

Рис. 10. Верхняя часть памятной плиты игуменни Елены Ржевской. 1756 г.
Инв. № А-1677.

А.В. Грашенков «Памятные плиты Вознесенского собора в Кремле»

Рис. 1. Греческое надгробие 1665 г. из Киево-Печерской лавры.

С.А. Балакин, А.Ю. Виноградов «Новое греческое надгробие из Киево-Печерской лавры»

Рис. 1. Варианты начертаний букв в изразцах надписи в крестовой части Воскресенского собора

Н.И. Новиков «Надписи на изразцах в Воскресенском соборе в Новом Иерусалиме»

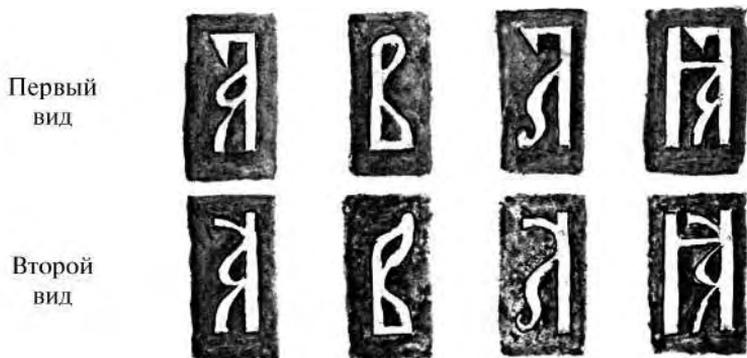

Рис. 2. Варианты начертаний букв в изразцах надписи в крестовой части Воскресенского собора.

Н.И. Новиков «Надписи на изразцах в Воскресенском соборе в Новом Иерусалиме»

Рис. 3. *Варианты лигатур и сокращений букв в изразцах надписи в крестовой части Воскресенского собора.*

Н.И. Новиков «Надписи на изразцах в Воскресенском соборе в Новом Иерусалиме»

Рис. 4. *Знаки препинания, надстрочные знаки и титла в изразцах надписи в крестовой части Воскресенского собора.*

Н.И. Новиков «Надписи на изразцах в Воскресенском соборе в Новом Иерусалиме»

Рис. 5. Надстрочные графические знаки в изразцах надписи в крестовой части Воскресенского собора.

Н.И. Новиков «Надписи на изразцах в Воскресенском соборе в Новом Иерусалиме»

Рис. 6. Вариант написания слова "купно" в изразцах надписи в крестовой части Воскресенского собора.

Н.И. Новиков «Надписи на изразцах в Воскресенском соборе в Новом Иерусалиме»

Рис. 7. *Фрагменты изразцов с надписями, найденных при раскопках в завалах пруда.*

Н.И. Новиков «Надписи на изразцах в Воскресенском соборе в Новом Иерусалиме»

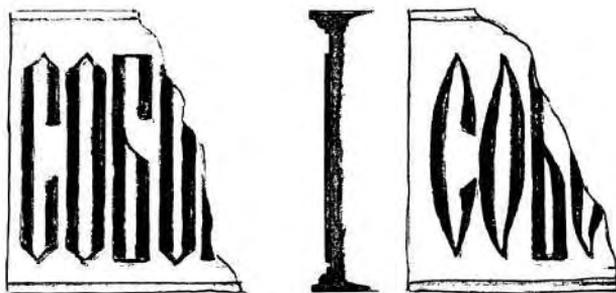
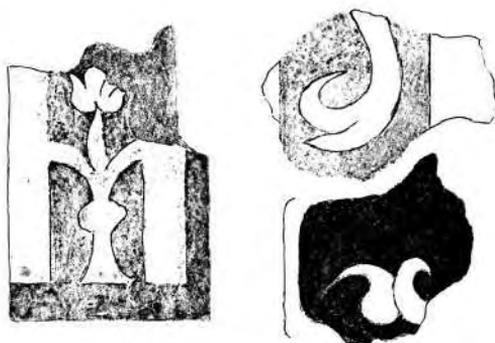

Рис. 8. *Фрагменты изразцов, найденных при раскопках в завалах пруда.*

Н.И. Новиков «Надписи на изразцах в Воскресенском соборе в Новом Иерусалиме»

рукой всадник держит копьё, которым он наносит удар в голову змею, извивающемуся кольцами под копытами коня; острие копья поражает змея прямо в разверстную пасть, пронзает насквозь и выступает на затылке; в голове змея виден вонзенный обломок другого копья. С правой стороны (на взгляд смотрящего), на уровне головы всадника различается греческая надпись-граффити в две строки:

ὁ Ἅγ[ι]ος
Γεώργ[ι]ος
(Св. Георгий).

С левой стороны видны монограмма с ниже размещенной контрактированной и к тому же сильно фрагментированной внешними разрушениями греческая надпись-граффити в две строки (вместе с монограммой – три строки), которая может быть реконструирована и транскрибирована следующим образом:

Θεο[υ]
[τοῦ] Δ[ο]ύλου Δέ[η]σις
[Θεόδ]ωρου

(Божьего раба молитва Феодора).

Первая надпись не оставляет сомнений в том, что рельефный всадник – Св. Георгий, а не, скажем, Св. Димитрий, или какой-нибудь другой из почти полусотни святых воинов, почитаемых в Византии²⁴ и на латинском Западе²⁵, и на иконе воспроизведен один из многочисленных канонов изображения этого святого – «драконоборчества»²⁶. Но здесь нельзя не заметить характерных отступлений от канона: прежде всего, всадник в соответствии с католической монашеской практикой безбород, имеет причёску на латинский манер и облачен в панцирь латинского образца²⁷; наконец, он увенчан короной, украшенной зубцами в виде лилий. По канону, Св. Георгий не изображался в короне; этим

²⁴ Soldaten-Heiliges // Reallexicon zur Byzantinischen Kunst / Hrsgb. von K. Wessel. Stuttgart, 1971. Lf. 15. Col. 1049–1061.

²⁵ Delehaye H. Le legends des Saints militaires. P., 1909.

²⁶ Dictionnaire iconographique des monuments de l' antiquité chrétienne et du moyen âge / Ed. L.-J. Guénebault. P., 1845. T. 2. P. 13–14; Dictionnaire d' archéologie chrétienne et la liturgie. P., 1913. Vol. 6. P. 1021–1029; Dictionnaire encyclopédique du christianisme ancien / Ed. A. Di Berardino. Genova, 1990. Vol. 1. P. 1032; La Bible et les Saints. Guide iconographique / Ed. G. Duche-Suchaux, M. Pastoureau. P., 1990. P. 156–157.

знаком Святой намеренно выделялся как $\kappa\omicron\mu\tau\theta$, благородный, аристократический предводитель христианского воинства в борьбе с неверными. Форма короны могла иметь аллюзию на геральдическую фигуру, встречающуюся в латинском искусстве блазонирования, в частности, в гербе генуэзского рода деи Франки, известного деятельностью в Крыму²⁸. Но, пожалуй, еще удивительней лик Св. Георгия — он скуласт, с раскосыми, словно эпикантированными глазами, обнаруживая черты монголоидности.

Св. Георгий в равной степени почитался и христианами и нехристианами Понтийского региона как покровитель скотоводства и земледелия²⁹. Он был святым патроном как Византии, так и Генуи, обладавшей верховной, сюзеренной властью над генуэзскими поселениями в Крыму, и одновременно святым покровителем Кафы, утвердившейся в качестве главного центра всех генуэзских владений в Северном Причерноморье, так называемой «Генуэзской Газарии». Под именем Джирджис он почитался у арабов, обитавших в крымских торговых центрах; под наименованием Уастырджи он был известен кавказцам, также проживавшим в портовых городах Крыма; под прозвищем Хызр он поминался тюркоязычным населением Кафы и Солдайи (современного Судака). Образ Св. Георгия рассматриваемой солдайской иконы отразил это феноменальное поликультурное сосуществование в пределах Генуэзской

²⁷ Представления о прическах, одеяниях, доспехах средневекового западноевропейского рыцарства дают латинские надгробные скульптурные изваяния XIII–XIV вв., см.: Die mittelalterlichen Grabmäler in Rom und Latium vom 13. bis zum 15 Jh. / Red. J. Garms, R. Juffinger und B. Ward-Perkins. Rom; Wien, 1981. Bd. 1. Abb. 1–226.

²⁸ Oderico G.L. Op.cit. № 12; Skrzinska E. Op.cit. № 14, 50.

²⁹ О Св. Георгии существует обширная литература на различных языках, см. наиболее важные издания: Кирпичников А.И. Святой Георгий и Егорий Храбрый. СПб., 1879; Хаханов А. Грузинский извод сказания о Св. Георгии // Чтения общества истории Древней Руси. М., 1891. Вып. 4; Рыстенко А. Легенда о Св. Георгии и драконе в византийской и славянской литературах. Одесса, 1909; Крачковский И. Легенда о Св. Георгии Победоносце арабской редакции // Живая старина. М., 1910. № 19; Вилинбахов Г.В., Вилинбахова Т.Б. Святой Георгий Победоносец. СПб., 1995; Delehaye H. Les Légendes grecques des Saints militaires. P., 1909; Steketel Hulst C. St. George of Cappadocia in Legend and History. L., 1909; Krumbacher K. Der Heilige Georg in der griechischen Überlieferung // Abhandlungen der kaiserlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Abt. München, 1911. Bd. 25. H. 3; Aufhauser J.B. Miraculi Sancti Georgii. Lipsiae, 1913.

Газарии: антропологически он оказался подобием тюркского этнического окружения, лингвистически (судя по граффити) стал выразителем грекоязычной среды, а в военно-политическом аспекте отразил латинское доминирование.

Дабы постичь хотя бы часть культурного смысла данного иконного образа, придется обратиться к грузинской агиографической традиции³⁰. Весьма противоречивые, порой причудливо мифологизированные сведения о Св. Георгии отыскиваются раньше всего у византийских церковных авторов – св. Андрея Критского (†740), Григория Декаполита (†842), Симеона Метафраста (†960), Епифания Монаха (†1015)³¹ и некоторых др. Культ святого с таким именем зародился в Палестине на рубеже IV–V вв.; уже римский папа Геласий I (492–496) должен был заниматься вопросом признания святости Георгия, усомнившись в ряде его чудес; в Лидде сохранилась мраморная плита V в. с изображением и знаками мученика³². На Западе вера в Св. Георгия получила широкое распространение со времени Первого крестового похода.

Согласно византийским текстам³³, Георгий происходил из аристократического малоазиатского рода. В качестве его родины чаще всего называют Каппадокию, Пафлагонию или Палестину, но встречаются упо-

³⁰ *Bibliotheca hagiographica latina, antiquae et mediae aetatis* / [Ed.] Socii Bollandini. Bruxelles, 1898–1901. Vol. 1–2. № 3363–3393; *Bibliotheca hagiographica orientalis* / [Ed.] P. Peeteres. Bruxelles, 1910. № 309–320; *Bibliotheca hagiographica graeca* / [Ed.] F. Halkin. Bruxelles, 1957. P. 212–223; *Iconomou E. Cos' è l'icona: Oggetto liturgico oppure mezzo ermeneutico?* Milano, 1994.

³¹ *Sancti Andreae archiepiscopi Cretensis cognomento Hierosolimitani Encomium in Sanctum martyrem Georgium* // PG. P., 1865. T. 97. Col. 1169–1192; *Sancti Gregorii Decapolitae Sermo historicus* // PG. P., 1865. T. C. Col. 1201–1212; *Simeonis Logothetae cognomento Metaphrastae Martyrium Sancti et magni martyris Georgii* // PG. P., 1864. T. CV. Col. 141–162; *Epiphani Monachi hagiopolitae Ad modum descriptionis situs orbis, e narratio Syriae, urbis Sanctae, et sacrorum locorum* // PG. P., 1864. T. CXX. Col. 263.

³² *Saxer V. [St.] Georges* // *Dictionnaire encyclopédique du christianisme ancien*. Genova, 1990. Vol. 1. P. 1032.

³³ *Acta Sanctorum* / [Ed.] Socii Bollandini. Antverpiae, 1675. Vol. 3. P. IX–XV; *Simeonis Logothetae cognomento Metaphrastae Martyrium Sancti et magni martyris Georgii*. Col. 143 sq.; *Sancti Andreae archiepiscopi Cretensis cognomento Hierosolimitani Encomium in Sanctum martyrem Georgium*. Col. 1178 sq.; *Epiphani Monachi Op. cit. Loc. cit.*; *Bibliotheca hagiographica graeca*. Vol. 1. P. 212–223; *Vies des Saints et des Bienheureux* / Ed. J. Baudot. P., 1959. Vol. 4. P. 591–595.

минания и ливийских центров. Все византийские авторы наделяют его незаурядными воинскими доблестями, отмечают успешную карьеру в римской армии, где он достиг немалой должности тысяцкого; как правило, он называется современником римского императора Диоклетиана, отмечается, что он придерживался христианского вероисповедания и разделил участь многих героев эры мученичества. Жития³⁴ повествуют, как Георгий выступил с резкими обвинениями против императора, который сжег в ночь на Рождество христианский храм в Никомидии вместе с несколькими тысячами верующих. Святой был схвачен, подвергнут мучительным пыткам и обезглавлен. Это произошло, как утверждает агиографическая традиция³⁵, 23 апреля 303 г. Местом упокоения стал палестинский город Лидда (по другим версиям Никомидия или Диаполис). День поминовения Святого стал одной из ключевых дат христианского календаря, знаменуя начало весеннего цикла пастушеско-земледельческих работ.

Определенно легендарный характер носят рассказы о мученичествах Св. Георгия: вначале он был привязан к колесу и прокатан над досками с гвоздями, но был снят с колеса самим ангелом живым и невредимым; затем ему на ноги были надеты железные сапоги с гвоздями внутри, раскаленные на огне докрасна, но он выдержал и эту пытку; после ему был дан напиток со смертельным ядом, однако святой оказался сильнее. В довершение мук он был приведен в храм Аполлона, где его принуждали отречься от христианской веры, но Георгий молитвенным словом смог сокрушить языческие идолы; наконец, по приказу императора ему была отсечена голова, но мученик, подхватив падавшую голову руками, продолжал какое-то время стоять в покорном обращении к Всевышнему. Характерными элементами предания были упоминания об обращении в христианство самих мучителей Георгия (упоминаются Анатолий, Протолон, Афанасий), ставших свидетелями необыкновенной силы христовой веры; все они поплатились жизнью за последование Георгию. Помимо мощного проповеднического заряда, здесь отчетливо фиксируется фольклорный мотив трехкратного умирания и воскресения, преодоления смерти. Собственно говоря, Св. Георгий и был персонализаци-

³⁴ *Simeonis Logothetae cognomento Metaphraetae. Martyrium Sancti et magni martyris Georgii*. Loc. cit.; Constantinus Acropolita. *Laudatio* // AB. Bruxelles, 1933. T. 51. P. 271.

³⁵ *Bibliotheca agraphica graeca*. Vol. 1. P. 212.

ей животворящих сил природы, пробуждающихся весной и впадающих в сонное состояние осенью. Поэтому весеннему празднеству Св. Георгия, символически соотносившемуся с воскресением природного мира и приходившемуся на 23 апреля, очень скоро возникло дополнение в виде осеннего празднества, завершавшего активный земледельческо-пастушеский цикл, знаменовавшего умирание. Осенний праздник Св. Георгия стал отмечаться 3 ноября³⁶.

Этот второй день стал ассоциироваться с воспоминанием другого чуда Св. Георгия, приобретшего еще более мифологизированный характер — «чуда о змие», подвига «драконоборчества». Согласно житийной литературе³⁷, Георгий выступил спасителем города Ласии (иногда называется ливийский город Силена и даже Бейрут), страдавшего от поселившегося в озере страшного чудовища, которому жители города обязаны были приносить кровавую дань. Однажды в жертву дракону была предназначена дочь городского правителя. Облаченная в багряницу, она была приведена на берег, и в этот миг ее, плачущую, увидел проезжавший мимо на коне Георгий. Он сразил монстра, освободил девушку, как триумфатор был встречен в городе. На той земле он основал первую христианскую церковь, служить в которой стала спасенная девушка; христианскую веру приняли и остальные жители. В латинской версии предания, вошедшего в «Золотую легенду» Джакомо из Ворагина (1230–1298)³⁸, подвиг освобождался от brutальных сцен кровавого боя, переходя в область непостижимого *miraculum*: Георгию не пришлось обнажать меч, он сакральным словом укротил зверя, связал его выю женским поясом и заставил идти на привязи вслед за слабой женщиной вплоть до города; там, на главной площади, в присутствии всего народа герой убил дракона.

В этом эпизоде Св. Георгий стал воплощением идеала рыцарственности, призванной защищать слабых и невинных, карать безусловное зло, восстанавливать справедливый и законный порядок. Кроме того, подвижничеством Святой выражал идею подавления языческого прошлого, миссионерского служения и утверждения истинной веры — хрис-

³⁶ *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae* / Ed. H. Delehaye. [Bruxelles], 1902. P. 297–301.

³⁷ *Aufhauser J.B. Miraculi Sancti Georgii...* P. 100–107.

³⁸ *Jacobus de Voragine. Legenda aurea* / Ausg. von J.G.Th. Graesse. Melle, 2003.

тианства. Наконец, связь чуда с освобождением города, основанием первой церкви превращала Св. Георгия в устроителя новой *civitas*, носителя идеи новой государственности. Не удивительно, что Святой как триумфатор, восседающий на коне, стал геральдическим символом Византийской империи, Руси, как уже отмечалось, Генуи, нередко называвшейся «Республикой Сан Джорджо», и крымской Кафы.

В обозначенном контексте требует особого понимания увенчанность короной Св. Георгия на солдаийской иконе. Коронованный всадник-змеборец рассматриваемого рельефа являлся не столько победителем над иноверием, упрочителем истинной веры (все же в его образе акцентируется совмещение латинско-греческо-ориентальных черт), сколько невольным выражением идей суверенизации своеобразного континуума Генуэзской Газарии, когда различия между проживавшими на одной территории католиками и православными, христианами и нехристианами оказывались менее существенными, чем противоречия между генуэзскими колонистами и генуэзцами *madrepatria*. Идеи автономии Кафы и ее владений усиливались в конце XIV в., что ощутимо по составлению кафинско-крымских договоров 1380–1381 и 1387 гг., нарушению регулярных связей Кафы с Генуей, обращению к практике самостоятельно-го избрания глав городской власти и т.п.

В Кафе культ Св. Георгия находился под особой опекой городских магистратов и становился в некотором смысле консульской привилегией и консульским культом. Праздник Св. Георгия, как весенний, так и осенний, был, пожалуй, главным в городе и округе, поскольку в отличие от Рождества и Пасхи, отмечавшихся только христианами, к тому же, православными и католиками в разные дни, он объединял всех горожан без различия этно-конфессиональной принадлежности. Торжествам предшествовала тщательная подготовка, из бюджета Кафы выделялись деньги на подкрашивание официальных рельефов Св. Георгия на консульском дворце и крепостных башнях. В ходе праздника устраивалась пышная процессия во главе с консулом, правителем Кафы и генуэзской Газарии, восседавшим на белом коне; он выезжал за главные городские врата, совершал ритуальную охоту на дикого зверя, а затем с триумфом возвращался назад; после чего устраивались пиршество и фейерверки. Консул в этом действии, определенно, отождествлялся со Св. Георгием, и коронованность Святого отражала связь с государственной идеологией. Присутствие подобной атрибутики на иконе, происходившей от

частного лица, некоего Феодора, о чем свидетельствует вторая надпись, говорит о влиянии более значимого образца, созерцавшегося каждым жителем города на башнях и консульском замке Солдайти.

Исследователи не раз обращали внимание на связь идейной образности Св. Георгия с дохристианскими мифологиями Востока, Эллады и кельто-германского мира³⁹; мотив «змееборчества» находил аналогии в подвигах древнеегипетского Ра, месопотамского Мардука, индоарийского Индры, иудейского Яхве и эллинского Аполлона; идея борьбы с силами зла, спасения слабой, прекрасной девушки находила параллели в деяниях легендарных героев – шумерского Гильгамеша, эллинских Персея и Ясона, кельтского Беллерофонта и древнегерманского Сигурда; умирание и воскресение оказывается повторением архетипических сюжетов о древнеегипетском Осирисе, эллинском Дионисе и древнегерманском Одине, сопровождавшихся соответствующими мистериями. Обозначались истоки некоторых черт георгианской агиологии в древних культах теургических богов, покровительствовавших земледелию и скотоводству.

Среди мифологических и фольклорных истоков культа Св. Георгия не следует забывать почитания эллинского Асклепия, или римского Эскулапа, бога врачевания⁴⁰. Асклепий, как известно, считался сыном бога Аполлона и нимфы Корониды. Он появился на свет не только как плод любви, но и возмездия: изменившая Аполлону нимфа была убита и предана сожжению; из ее чрева, прямо из погребального костра и был извлечен младенец, нареченный Асклепием и отданный на воспитание мудрому кентавру. Всаднический статус Св. Георгия, восседавшего верхом на коне, определенно, обнаруживает соответствие в асклепиевом содружестве с кентавром Хироном, у которого он обучался тайным знаниям жизни и смерти. Верхом на кентавре Асклепий, по преданию, провел годы своего ученичества. Георгиево борение с драконом при помощи копья оказывается аллюзией на укрощение и приручение змеи Асклепием, использовавшим для этой цели жезл; способность Св. Геор-

³⁹ Рыстенко А. Указ. соч.; *Delehaye H.* Op. cit.; *Steketel Hulst C.* Op. cit.; *Krumbacher K.* Op. cit.; *Aufhauser J.B.* Op. cit.

⁴⁰ *Надь Г.* Греческая мифология и поэтика. М., 2001; *Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А.* Боги и герои Древней Греции. М., 2002; *Вен П.* Греки и мифология: Вера или неверие? М., 2003.

гия переносить смертные муки выступает трансформацией обращенного на самого себя асклепиева дара воскрешать умерших, за что божественный целитель был поражен молнией Зевса; правило обязательного употребления в пищу петушиного мяса на общенародном пиру по случаю дня Св. Георгия, как утверждал кафинский устав 1449 г., оказывалось отзвуком древнего обычая жертвоприношения петуха в дни почитания Асклепия.

Культ Асклепия — Эскулапа был довольно широко распространен в эллинистическую и римскую эпохи в Причерноморье, где устраивались святилища — асклепийоны⁴¹; там совершались инкубации — ритуалы священного сна, во время которого больные исцелялись. В этих святилищах хранились многочисленные дары тех, кто вылечился от тяжелых недугов. Среди разнообразных votivных предметов обращают на себя внимание каменные рельефы так называемого «Фракийского всадника», встречающиеся на территории Болгарии⁴². По форме, характерному овальному верху, размерам, изображению всадника в плаще с поднятой рукой, метнувшей дротик, они подобны солдайской иконе Св. Георгия; правда под копытами коня изображался, как правило, кабан, более привычный фракийскому ландшафту, реже — некое подобие льва, неизвестного местному зоомиру, и лишь в единичных случаях — змея⁴³. Что касается надписей, то сверху, на самой овальной раме рельефа обычно вырезалось имя Асклепия, бога, к которому обращались с просьбой об исцелении, а внизу — имя просителя.

Характер граффити солдайской иконы, словно бы, воспроизводит этот древний понтийский архетип, в котором имя Асклепия оказалось замещенным именем Св. Георгия, а верхнее и нижнее расположение надписи уступило место правому и левому ее размещению: справа (это более высокая сторона) — обращение к Святому Георгию, у которого ищут защиты и заступничества, избавления от напастей, прежде всего,

⁴¹ *Doncheva J.* Le temoinage le plus ancien du culte d'Asclepios dans les terres Bulgares // *Thracia. Serdicae*, 2000. Vol. 13. P. 73–77; *Дончева И.* Инкубацията в култа към Асклепий // *Эпохи. Велико Търново*, 2000. Г. 8. № 1. С. 79–90; *Ильина О.М.* Культ Асклепия в античных городах Западного Понта в римский период // *Иресиона. Античный мир и его наследие. Белгород*, 2002. С. 34–44.

⁴² *Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae* / Ed. G. Mihailov. *Serdicae*, 1958. Vol. 2. № 552–555, etc.

⁴³ *Ibid.* № 554.

болезненных, слева (что соответствует низшей стороне) – имя дарителя, Феодора, со словами благодарственной молитвы за помощь. То есть, рассматриваемая икона со змееборцем должна восприниматься в контексте определенной традиции сакрального обмена, отдаривания культового учреждения и божественного лица, наделенного невероятной, трансцендентной силой, за возвращение к жизни, традиции, имевшей весьма глубокие исторические корни в крымском регионе.

Взаимоотношения между частным лицом и религиозными институтами в Генуэзской Газарии отражает другой, до сих пор не вызывавший интереса исследователей памятник – известняковая плита трапециевидной формы с высеченным генуэзским гербом из фондов Национального заповедника «Херсонес Таврический»⁴⁴ (рис. 5). Что представляет собой этот лапидарный образец? Щит каплевидной формы, крайне редко встречающейся в крымском лапидарии. Щит пересечен по принципу веретена четырьмя контррельефными (самый верхний, словно уменьшен по ширине из-за размещенного над ним креста) и тремя рельефными поясами, в его навершии помещен врезной крест. Подобные кресты обычно связывают с церковным статусом обладателя герба. Однако порой кресты помещались на гербах светских лиц, выделявшихся богоугодными делами, особенно в строительстве новых храмов или в восстановлении старых⁴⁵. Кому принадлежал герб? В качестве первого предположения напрашивается мысль о его идентификации генуэзскому роду д'Олива, один из представителей которого – Баттиста – был консулом Чембало в 1467 г.⁴⁶ Однако это предположение должно быть отклонено, поскольку герб рассматриваемой плиты имеет отличающие-

⁴⁴ Геральдическая плита; размеры: 47 x 52 x 8 см; известняк; место находки – г. Феодосия; время находки – до 1940 г.; в 1940 г. по акту обмена передана из Феодосийского краеведческого музея в Херсонесский лапидарий. Хранится в Национальном заповеднике «Херсонес Таврический», инв. № 45411.

⁴⁵ Ср. солдатскую плиту по случаю сооружения храма Девы Марии с гербом консула Солдаи 1469 г. Бернардо д'Амиго: *Скржинская Е.Ч.* Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 172–175.

⁴⁶ См.: *Skrzinska E.* Op. cit. N 55; однако плита с геральдикой Баттиста д'Олива была вывезена в Италию во время Крымской войны и ныне хранится в Музее истории навигации в Генуе; возможно, задачами реконструкции этой утраченной плиты была вызвана передача рассматриваемого памятника с похожей геральдикой из Феодосийского музея в Херсонес.

ся от герба д'Олива количество и порядок чередования рельефных и контррельефных поясов: на только что представленном щите насчитывается 4 + 3 балки, причем, поле вначале (и сверху и снизу) пересекалось контррельефными (врезными) балками, а на щите д'Олива имеется 3 + 3 балки и при этом, наоборот, вначале помещались рельефные (выпуклые) пояса.

Возможно, данный герб принадлежал генуэзскому роду Леркари: рельефные пояса соответствовали красному (червленому) цвету, а их контррельефные отражения — белому (серебряному) тону. Представители этого рода известны в Крыму с конца XIII в. Костантино Леркари был консулом Кафы 1404 г., Паоло Леркари занимал одну из высших должностей в Кафе и Газарии в 1411–1413 гг., Антонио Леркари являлся высшим кафинским официалом в 1456–1457 гг., а Джоффридо Леркари управлял кафинскими делами в 1472–1473 гг.⁴⁷ Данная геральдическая плита могла быть высечена по распоряжению одного из них в ознаменование какого-то значимого этапа строительных работ на одном из храмов Кафы. Ее датировка оказывается достаточно широкой — XV в., за исключением его последней четверти, когда город был завоеван турками, и строительная деятельность генуэзцев прекратилась.

В целом рассмотренные в статье лапидарные памятники Крыма XIV–XV вв., несмотря на их кажущуюся несовместимость и «молчаливость» (только на одном из них имеются плохо сохранившиеся граффити по-гречески и еще на одном — едва заметные остатки латинских букв), оказываются весьма примечательными свидетельствами своеобразного *ars metotiae* Кафы и возглавляемого ею политико-правового и социокультурного континуума, именуемого в XIV–XV вв. «Генуэзской Газарией». Это «искусство памяти» в особых фигуративных формах, символах, эмблемах актуализировало те модусы, которые считалось недопустимым забывать, дабы не утрачивать связи с порождающими ос-

⁴⁷ *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIIe — début du XVe siècles). Gênes; Rome, 1978. Т. 1. P. 902; *Vigna A.* Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la Signoria dell'Ufficio di San Giorgio // ASLSP. Genova, 1878. Vol. 7. P. 2. P. 767 sq.; гербы рода Леркари встречаются на других известных памятниках крымской эпиграфики, см.: *Юргевич В.Н.* Генуэзские надписи в Крыму // ЗООИД. Одесса, 1863. Т. 5. С. 165 (приводится неточная прорисовка); *Skrzinska E.* Op. cit. № 19 (изображение отсутствует).

нованиями; это искусство фиксировало референциальные рамки уникальной общности – civitas Capphae, определяя ее идентичность и самопонимание, отличая от внешних геополитических мегаобразований, действовавших в причерноморском регионе – Византии, Лигурийской республики (или Генуи) и Золотой Орды.

Summary

A.G. Emanov

The Unpublished Lapidary Monuments of the Genoese Settlements in the Crimea in the XIV–XV Centuries

Four of five plates published in this article come from Caffa (modern Feodosya) and one from Soldaya (present Soudak).

The first plate has the emblem of Genoa with Latin cross, the Caffa's arms with tamga and the empty heraldic armour. The last armour symbolizes the consular status of the city's head. It is empty, because the consular position in Caffa was vacant. In the center of the second plate there is Caffa's emblem with tamga. On each side of the plate two emblems of Genoa with Latin cross are located. At the foot of it the empty relief plateau for an inscription is settled.

The third plate contains the arms of Caffa with tamga and a heraldic armour with the erased cross. Above the arms the traces of Latin letters «V» and «T» can be seen. Below the arms there is a relief framework with an erased inscription.

The fourth monument represents the icon with St. George's image and Greek graffiti. The fifth plate contains the arms of Genoese family Lercary. Originally it is from Caffa; but nowadays is located in The Chersoneses museum.